МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

НАУКА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: ТЕОРИЯ БЕЛЬГИЙСКОГО РЕАЛИЗМА XVI ВЕКА

ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА Ирина Викторовна, доцент кафедры международного публичного и частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: getmanpav@mail.ru

В статье предпринята попытка восстановить в научном обороте незаслуженно забытые в современной доктрине международного частного права имена представителей школы бельгийского реализма XVI века Эверарда, Пекиуса и Зандэ. Эти ученые предвосхитили классическую голландскую доктрину «международной вежливости», по сей день лежащую в основе англо-американского подхода к регулированию международных частных отношений. Теория бельгийского реализма, впервые сформулированная в работах названных ученых, сформировалась в рамках теории статутов — единственной в течение 500 лет доктрине международного частного права. В теории статутов бельгийский реализм является ее отдельным направлением, положившим начало строго территориальной концепции разрешения конфликтов разнонациональных законов. Однако в современной литературе имена основателей данного направления практически неизвестны, хотя их труды оказали самое серьезное влияние на судебную практику и доктрину того времени. В статье сделан вывод, что Эверард, Пекиус и Зандэ сформулировали коллизионные привязки, воспринятые современным законодательством; их исследования послужили основой для зарождения доктрины международной вежливости, воспринятой современным международным частным правом.

Ключевые слова: международное частное право, доктрина, теория статутов, XVI век, Эверард, Пекиус, Зандэ, бельгийский реализм, Нидерланды, Фландрия, Бельгия, коллизионные привязки.

THE DOCTRINE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW: THE BELGIAN REALISM THEORY OF XVI CENTURY

I. V. GETMAN-PAVLOVA, associate professor of the department of public and private international law of the National Research University “Higher School of Economics”, candidate of legal sciences

20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000

E-mail: getmanpav@mail.ru

The object of the present article is an attempt to restore the names of representatives of the XVI century Belgian School of Realism, who have been “unjustly forgotten” in modern Private International Law doctrine — Nicolas Everhard, Pieter Peck and Johannes a Sande. These scholars are the founders of the Belgian Realism theory of conflicts-of-laws which anticipated the classic Dutch “comity” doctrine and provided the framework for the Anglo-American doctrine of the regulation of international civil relations. The theory of Belgian realism was first outlined by Everhard, Peck and Sande and was formed on the theory of statutes — the only doctrine of Private International Law during 500 years. Belgian Realism is a stand-alone direction of the theory of statutes which triggered the process of a strongly territorial concept of conflict resolution between choice-of-law rules of different states. However, despite their outstanding contribution to the legal practice and doctrine of their time, aforementioned scholars are unknown in modern jurisprudence. The article concludes that Everhard, Peck and Sande developed the choice-of-law rules which are now adopted by modern legislation; moreover, their researches may serve to development of international comity doctrine, which has been adopted by modern Private International Law.

Keywords: private International Law, doctrine, theory of statutes, XVI century, Nicolas Everhard, Pieter Peck, Johannes a Sande, Belgian Realism theory, Netherlands, Flanders, Belgium, connecting factors.

DOI: 10.12737/21842

Введение. Первые представления о способах разрешения конфликтов законов были восприняты бельгийскими и голландскими юристами из Италии и Франции. В XII—XIV вв. в итальянских и французских университетах обучалось много студентов из нидерландских земель, перенесших на свою родину «придаток» римского права — теорию статутов (первую и единственную почти в течение

500 лет теорию международного частного права), сформулированную Пьером Беллепершем, Иоанном Фабером, Бартоло да Сассоферрато и Бальди де Убальди¹. Когда в Лувене в 1425 г. был основан первый национальный университет, теорию статутов

¹ См.: *Laine A.* Introduction au droit international privé. T. I. P., 1888. P. 396.

преподавали там так же, как и в Болонье, Падуе или Тулузе. С этого времени она обнаруживает себя в работах бельгийских и голландских авторов.

Во Фландрии, исходя из идеи универсальности римского права, главной для итальянских и французских бартолистов, изначально юристы признавали экстерриториальность действия личных статутов. Безусловный приоритет личного закона проявлялся более всего в наследственном праве. Принцип целостности наследования и подчинение всех его вопросов *lex personalis* даже закреплялся законодательно — например, ст. 25 Хартии города Ипр (1170—1174) предусматривала: «Все имущество любого умершего буржуа из города Ипр, которое есть на момент смерти, все его имения и движимое имущество должны быть подчинены праву и кутюмам города, где бы он сам ни находился». Таким же путем шла и достаточно обширная судебная практика² — это подтверждают, в частности, решения эшевенгов города Сен Омер (1321 и 1333 г.): «Недвижимое имущество горожанина Сен Омера должно быть разделено согласно обычаям Сен Омера, даже если оно находится в другой юрисдикции... так же как имущество горожанина из Гана, даже если он внебрачный ребенок, должно быть разделено согласно кутюмам Гана»³.

Целостность наследования была поставлена в полную зависимость от персонального закона. По решению Совета Фландрии (1375 г.) любая вещь⁴ «должна быть разделена по кутюму дома умершего, согласно общему праву страны»⁵. Закон места нахождения вещи не применялся даже в отношении наследственных прав внебрачных детей. Склонность фламандских властей к персонализации всех законов отмечал малоизвестный юрисконсульт из Брюгге конца XVI в. Якоб де Корт, который писал, что закон дома умершего управляет всем наследством, даже если недвижимость расположена в других местах. В связи с этим в литературе упоминается «специальная фламандская теория — цитадель персонализации закона»⁶. Эта привязка к закону последнего domicilia для всего наследственного имущества была уникальным элементом городского права, функционировавшим в особом поле «содружества» фламандских городов.

² Подробнее об этом см.: *Freyria Ch. Les conflits de coutumes en matiere de successions dans le droit coutumier urbain des Flandres sous l'ancien regime // Revue critique de droit international prive. 1947. No. 249.*

³ *Ancel B. Histoire du droit international prive. P., 2008. P. 84.*

⁴ Вещь, имущество — имеется в виду только недвижимое имущество; движимые вещи вплоть до XIX в. имуществом не считались и всегда подчинялись личному закону собственника.

⁵ *Ancel B. Op. cit. P. 85.*

⁶ *Ibid.*

«Фламандская цитадель персонализации закона» сохранялась в течение всего Средневековья, но вне Фландрии она просуществовала недолго. Уже в Средние века менталитет нидерландских провинций имел двойственный характер, придающий им сходство с провинциями Северной Италии и одновременно составляющий разительное отличие между ними. В Нидерландах (как и в Ломбардии) были развиты промышленность, торговля и статутное законодательство, что вызвало необходимость в разработке специальных норм, разрешающих конфликты между кутюмами различных городов. В XVI—XVII вв. Нидерланды процветали экономически и в связи с этим особенно нуждались в международном частном праве (далее — МЧП). В политическом отношении эти земли не были настолько свободны, как итальянские республики, — их зависимость от королей Испании была неизмеримо больше той, которая формально подчиняла Италию императорам Священной Римской империи германской нации. Нидерланды находились на положении провинции — приатка большого государства под властью иноземных и постоянно отсутствующих принцев, сменяющих друг друга из века в век⁷. При этом нидерландские города были проникнуты духом крайнего индивидуализма⁸ и демонстрировали явную тенденцию к феодальному суверенитету кутюмов.

В числе прочих элементов юридической автономии нидерландские провинции пользовались значительными привилегиями и льготами. Коммуны Фландрии и Брабанта, Фризии и Зеландии, Утрехта и Южной Голландии, т. е. все северные провинции, из которых впоследствии составились Нидерланды, и все южные провинции, которым соответствует современная Бельгия, имели каждая свои обычаи, уходящие корнями вглубь веков. Провинции держались за свои привилегии как за символ местной свободы и вели энергичную деятельность по их сохранению. Суверенитеты провинций получили свое окончательное юридическое оформление в «тесной унии», подписанной 23 января 1679 г. в Утрехте представителями Республики Соединенных провинций⁹. В первой же статье этого договора объявлялось, что «хотя провинции и соединяются, чтобы навеки оставаться соединенными, как если бы они составляли одну единую провинцию, но все же каждая провинция и каждый город должен сохранять свои привилегии, свободы и кутюмы»¹⁰.

⁷ См.: *Laine A. Op. cit. P. 398.*

⁸ Как писал в конце XIX в. бельгийский ученый Ф. Лоран, «даже сегодня фламандец из Брюгге не уверен в братских узах с фламандцем из Гента». См.: *Laurent F. Droit civil international: t. I—II. T. I. Bruxelles; P., 1880. P. 340.*

⁹ К «тесной унии» постепенно примкнули остальные нидерландские земли.

¹⁰ *Брун М. И. Очерки истории конфликтного права. М., 1915. Доступ из СПС «Гарант».*

Стремление всех нидерландских провинций к сохранению своих привилегий и к установлению собственного территориального суверенитета подталкивали и доктрину, и практику к установлению строгого императива о территориальном характере любых законов. Поскольку (согласно теории статутов) территориальное действие имели только реальные статуты, то и в доктрине конфликтного права уже в XVI в. полностью утвердился принцип «все кутюмы реальные»: «Вот объяснение вещности наших кутюмов, потому как вещьность и независимость отдельной территории — понятия тождественные»¹¹.

В современной науке МЧП принято выделять голландскую теорию статутов, которая известна прежде всего как «доктрина международной вежливости». Ее главными апологетами выступали Ульрик Губер, Павел и Иоанн Вуты. Однако большинство специалистов по МЧП, писавших в XIX в., упоминают не голландскую, а *бельгийско-голландскую* теорию конфликтного права¹². Такое уточнение представляется вполне корректным, поскольку «классическая голландская доктрина» окончательно сформировалась только во второй половине XVII в. Голландская доктрина сформировалась на базе теории *бельгийского реализма*, которая возникла в конце XVI в. в рамках теории статутов. Естественно, необходимо учитывать, что термин «бельгийско-голландская» является достаточно условным, так как для XVI в. в принципе нельзя говорить о Бельгии, а о Голландии можно говорить как об одной из провинций Нидерландов¹³. Теорию бельгийского реализма можно считать первым этапом становления классической голландской доктрины.

Начало теории бельгийского реализма было положено в произведениях авторов XVI в. — бельгийца Николаса Эверарда и голландца Петруса Пекиуса. Свое законченное выражение она получила в трудах голландского автора первой трети XVII в. Иоанна а Зандэ. Эти ученые являются предшественниками Николя Бургундуса, Павла Христианиуса, Питера Стокманса, Христиана Роденбурга, чьи работы стали основой для исследований классиков голландской доктрины отца и

сына Павла и Иоанна Вутов и Ульриха Губера. К сожалению, имена первооткрывателей теории бельгийского реализма Эверарда, Пекиуса и Зандэ практически неизвестны в современной российской доктрине МЧП. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Николас Эверард (Nicolaas Everhard, 1473—1532 гг.) родился в Миддлбурге (провинция Зеландия) в богатой купеческой семье¹⁴. Эверард был первым председателем Государственного совета Нидерландов, председателем Большого совета в г. Мехелене (Малине) (Grand Conseil de Malines) и весьма «успешно руководил» работой этих учреждений. В бельгийской литературе XIX в. его называют «одним из наших наиболее выдающихся должностных лиц»¹⁵. Эверард стал первым голландским адвокатом, чье имя вошло в историю теории статутов. Его воззрения по вопросам конфликтов законов пользовались большой популярностью и уважением среди современников — младший современник и соотечественник Эверарда, Питер Пекиус, «превозносил его до небес и ссылался на этого мудрого практика в вопросе об общем супружеском имуществе»¹⁶. Известный французский ученый Шарль Дюмулен, рассуждая о проблемах применимого права к супружеской собственности, также часто цитировал Эверарда¹⁷.

Основные произведения, затрагивающие проблемы, возникающие при конфликтах кутюмов, — «*Topica de locis legalibus*» и «*Consilia sive Responsa*»; обе диссертации «имели большой успех и содержали много положений, относящихся к конфликту законов»¹⁸. В *Topica* рассматриваются конфликты кутюмов о режиме совместной собственности супругов; в *Consilia* — конфликты кутюмов о завещаниях, сделках (обзор нормативных правил), наследовании. Нельзя сказать, что конфликтные решения ученого являются принципиально новыми, но они дают полное представление о формировании теории бельгийского реализма в конце XV — начале XVI в.

Эверард — прежде всего практик, и коллизионные вопросы он рассматривает с практической точки зрения. По мнению А. Лэне, воззрения Эверарда были вдохновлены Бартоло да Сассоферрато и другими комментаторами закона *Cunctos populos*¹⁹. Влияние

¹¹ Laurent F. Op. cit. P. 425.

¹² См., например: Meili F. Das Internationale Civil- und Handelsrecht auf Grund der Theorie, Gesetzgebung und Praxis: Bd. I—II. Bd. I. Zurich, 1902. S. 95. Этот термин употребляют и Ф. Лоран, и А. Лэне. См.: Laurent F. Op. cit. P. 442; Laine A. Op. cit. P. 396.

¹³ В 1512 г. большинство нидерландских земель было объединено в Бургундский округ Священной Римской империи, управляемый королем Испании; к 1549 г. все нидерландские провинции вошли в Бургундский округ, и с этого момента окончательно сформировалось понятие «Семнадцать нидерландских провинций». Именно данное понятие широко употреблялось в литературе конца XVI — начала XIX вв. См.: Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов. М., 2007. С. 111—113.

¹⁴ У Николаса Эверарда было шестеро детей — две дочери и четыре сына, «чрезвычайно ученых человека». Его второй сын (Николас Эверард-младший), как и отец, был доктором права и председателем Большого совета в г. Мехелене. Младший сын Эверарда — известный латинский поэт Иоанн Секундус. Свою первую книгу (1529) поэт посвятил отцу.

¹⁵ Laurent F. Op. cit. P. 435.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ См.: Gamillscheg F. Der Einfluss Dumoulins auf die Entwicklung des Kollisionsrechts. Tübingen, 1955. S. 152.

¹⁸ Брун М. II. Указ. соч.

¹⁹ См.: Laine A. Op. cit. P. 396. *Cunctos populos* — первые слова Конституции императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия.

бартолистов проявляется, не в последнюю очередь, в общей методологии исследования Эверарда — в использовании диалектики и приемов схоластической техники. Его анализ конфликтов разнонациональных законов основан на типичном для бартолистов методе различений, подразделений и распределений (*distinctiones, ampliaciones, limitations*).

Разумеется, Эверард анализирует исключительно интерлокальные коллизии, возникающие в отношениях между различными нидерландскими провинциями. Проблема действительных международных коллизий объективно не могла занимать ученого — необходимость разрешения конфликтов разного государственного законов возникла только в XVII в. Анализируя вопросы столкновения провинциальных кутюмов, Эверард рассуждает в русле уже сложившихся с XIV в. представлений — все статуты делятся на две группы с точки зрения объекта регулирования: личный статут, определяющий правовой статус лиц, и реальный статут, определяющий правовой статус вещей. При этом объективная историческая ситуация не позволяла Эверарду принять универсализм бартолистов и их симпатии к экстерриториальности личного закона. Подобно его современникам во Франции (Жану Мазьюэру, Бартоломеусу Шасснэ, Андреасу Тирако), во главу угла Эверард ставит принцип безусловной территориальности кутюмов.

Вопрос о юридическом положении вещей у Эверарда не вызывает сомнений — в этом отношении он безусловно признает единственное общее начало: «*Statuta realia non egrediuntur territorium*»²⁰. Любые вещные права всегда подчиняются закону их местонахождения, и при этом безразлично, идет ли речь о проявлении права относительно отдельных вещей, находящихся на различных территориях, или о всей совокупности имущественных прав лица, т. е. об основании этого права.

Рассматривая проблемы наследования, Эверард говорит, что форма завещания подчиняется закону той местности, где оно было составлено. В данном отношении его позиция согласна с итальянской доктриной. Однако по вопросу содержания завещания он строго придерживается принципа территориальности, поскольку любой статут призван прежде всего защищать интересы наследников, сохранять имущество в лоне семьи. Поэтому неважно, например, по какой причине издан статут, запрещающий супругам завещать друг другу имущество²¹. Если статут имеет своим предметом недвижимость, этого вполне доста-

точно для того, чтобы его действие было строго территориальным и распространялось на всех лиц, находящихся на территории данной провинции.

Наиболее подробно Эверард рассматривает коллизионное регулирование контрактных обязательств. Это совсем неудивительно ввиду практической ориентированности его исследований — для Нидерландов XVI в. торговые отношения между провинциями и торговля с «заморскими» странами представляли особую актуальность. Как многие его предшественники (например, Павел де Кастро и Рох Курций), он полагает, что контракт должен подчиняться закону места его совершения (*lex loci celebrati contractus*)²². Место совершения контракта Эверард понимает двояко: и как место его заключения (*locus conclusionis*), и как место исполнения (*locus solutionis*). Применение закона места заключения представляет собой общее правило; однако на практике чаще закон места исполнения является более компетентным. Предусмотренные последствия контракта подчиняются закону места заключения контракта, не предусмотренные — закону места исполнения. Если в контракте указано место исполнения, то при просрочке или виновном неисполнении должника приоритет всегда имеет *lex loci solutionis*, а не *lex loci celebrati contractus*.

Метод, которым пользуется Эверард, анализируя конфликты законов в договорных отношениях, показывает, насколько глубокое влияние на него оказали бартолисты. Именно в этих вопросах Эверард постоянно прибегает к различиям и подразделениям. В основу своих рассуждений о применении права места исполнения он кладет различие: фраза *lex loci solutionis* может иметь два смысла, или аспекта — беспристрастно показывать, где контракт должен быть исполнен, либо указывать место его практического исполнения в соответствии с целью сторон²³. Как «мудрый практик», Эверард отдает безусловное предпочтение закону места действительного исполнения, особенно для непредусмотренных последствий контракта.

В большинстве случаев место действительного исполнения Эверард понимает как место уплаты долга. К уплате процентов должен применяться закон места их выплаты. Должник, не выполнивший своих обязательств вследствие пренебрежения, по умолчанию отвечает по законам места, где долг подлежит оплате. Это «особое место платежа», и «интерес» имеет его право, потому что именно там «у интереса есть свое происхождение». Пожалуй, Эверард одним из первых в литературе конфликтного права высказал мысль о том, что «право может иметь интерес», т. е. что применение того или иного закона нацелено на достижение целей самого закона, выражающих

досия «Об утверждении веры в Святую Троицу» (380 г.), к которой была сделана знаменитая глосса «*Quod si Bononiensis*» («О болонце в Модене»), положившая начало науке международного частного права.

²⁰ Реальные статуты не выходят за пределы своей территории.

²¹ См.: Laurent F. Op. cit. P. 437.

²² См.: Story J. Commentaries on the Conflict of Laws, Foreign and Domestic. Boston, 1834. P. 249.

²³ Ibid.

определенную политику права. В XX в. идея о применении наиболее «заинтересованного права» была воплощена в теории «правительственного интереса» Б. Карри, главного идеолога американской «коллизивной революции».

Питер Пек (Pieter Peck, 1529—1589 гг.) родился в Зирикзее (провинция Зеландия), умер в г. Мехелене²⁴. Изучал гражданское и каноническое право в Лувенском университете, в 1553 г. защитил докторский диплом, с 1555 г. преподавал в Лувенском университете, в 1562 г. получил звание ординарного профессора по римскому праву. Следуя тогдашней академической традиции, он латинизировал собственное имя и в юридической литературе известен как *Петрус Пекиус* (Petrus Peckius). В 1582 г. стал членом Большого совета в г. Мехелене (председателем которого в это время был Николас Эверард-младший), в то время являвшегося верховным судом Семнадцати объединенных провинций. Сочинения Пекиуса являются удачным соединением теории и практики²⁵. Один из его многочисленных трактатов «*De testamentis conjugum*» (Лувен, 1564) содержит достаточно подробное изложение многих конфликтных вопросов. Основное внимание ученого привлекали проблемы коллизий законов в договорах дарения между супругами.

Пекиус считал Николаса Эверарда-старшего своим учителем, и вслед за ним Пек вдохновлен теорией Бартоло о конфликте законов. Ученый называет Бартоло и Бальда «*principes juris magistri*». Как и они, Пекиус «слывет почитателем римского права»²⁶. Однако Бартоло и его последователи утверждали реальный характер запретительных статутов, а личные статуты (по общему правилу) считались дозвонительными и имели экстерриториальный характер. Такой подход во многом был обусловлен безусловным приоритетом римского права, которое являлось универсальным и благоприятствовало всегда. Несмотря на свое почтение к римскому праву, Пекиус не признает его универсализма, равно как и уважение к Бартоло не побуждает голландского ученого принять теорию о дозвонительных и запретительных статутах.

Несмотря на то что внешне Пекиус дистанцируется от итальянской школы, он использует ее методологию и критерии. Статут, в соответствии с которым жена не имеет завещательной способности без согласия мужа, с его точки зрения является благоприятным (фаворабельным). Этот статут распространяется на любые акты, в том числе и совершенные за границей. Обоснование его фаворабельной природы

и экстерриториального действия Пекиус находит в общем (естественном) праве, которое имеет приоритет по отношению к закону места совершения действия (*lex loci actus*). Статут, запрещающий наследование между супругами, имеет ограничительный (одиозный) характер и не может распространять своего действия за границу. При обосновании одиозности данного статута Пекиус ссылается не только на судебную практику Большого совета Мехелена, но и на мнения сторонников итальянской теории статутов Александра Тартаньи и Шарля Дюмулена²⁷.

Пекиус хорошо знаком с трудами французских последователей Бартоло — в его трактате часто цитируются высказывания Б. Шасснэ, А. Тирако, Ш. Дюмулена. А. Лэне пишет также, что «Пекиус выдает свое знакомство с теорией д'Аржантре»²⁸. Возможно, это действительно так, однако уместно отметить, что знаменитая книга Бертрана д'Аржантре²⁹, совершившая «революцию» в разрешении конфликтов законов, была написана в 1576 г. (впервые издана в 1584 г.). Тем временем, последний трактат Пекиуса датирован 1582 г., а его труды по конфликтному праву написаны почти за 20 лет до этого. В связи с этим представляется логичным утверждать, что воззрения Пекиуса по вопросам коллизий кутюмов формировались отнюдь не под влиянием «бретонского комментатора»³⁰. Его концепция безусловной территориальности всех кутюмов сложилась вполне самостоятельно, ввиду объективной исторической ситуации, и эта концепция бельгийского реализма отражена в судебной практике того времени. В частности, Пекиус утверждает, что Большой совет неоднократно строго ограничивал территориальное действие запрета завещательного легата между супругами и что такие решения справедливы³¹.

Воззрения Пекиуса по конфликтным вопросам проникнуты крайним территориализмом. Он настолько убежден, например, в вешности статута о супружеском имуществе, что даже не считает нужным обсуждать эту проблему. Возможно, его рассуждения просто производят такое впечатление, поскольку ученый очень мало пишет о статусе лиц или договорных отношениях. Все его внимание сосредоточено на конфликтах законов по поводу имущества. Всякий раз, когда возникает вопрос об имуществе, Пекиус обращается к статуту места его нахождения. Если статут имеет

²⁷ См.: *Gamillscheg F.* Op. cit. S. 151—152.

²⁸ *Laine A.* Op. cit. P. 397.

²⁹ См.: *D'Argentré B.* Commentaire des coutumes de Bretagne. P., ed. 1621.

³⁰ Так в литературе МЧП называют д'Аржантре. См., например: *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права: в 2 т. Т. 1: Кодификация международного частного права. СПб., 1900. Допуст из СПС «Гарант».

³¹ См.: *Laurent F.* Op. cit. P. 435.

²⁴ Питер Пек был женат на Катарине Гиллис — сестре секретаря Маргариты Пармской и губернатора Остенде. Один из его сыновей — Петрус Пекиус-младший — также известный юрист, был дипломатом, членом Большого совета г. Мехелена и канцлером Брабанта.

²⁵ См.: *Laurent F.* Op. cit. P. 434—435.

²⁶ Ibid.

своим предметом недвижимость — этого вполне достаточно, чтобы объявить его вещным. С той минуты, как поставлен вопрос об имуществе, статут должен считаться вещным, даже в случае спора о свойствах и состоянии лиц — дееспособности или недееспособности, возрасте. Не нужно раздумывать, как задуман статут — *in personam* или *in rem*: ничто, кроме вещи, не представляет интереса. Является следствием применения статута отчуждение или передача имущества — он все равно вещный, и всегда должно соблюдать кутюм местоположения имущества³².

Иоанн а Зандэ (Joannes a Sande, 1568—1638 гг.) родился в г. Арнем (провинция Гелдерланд), умер в г. Леуварден (провинция Фрисландия). Изучал историю и право в университетах Виттенберга и Лейдена. В 1598—1604 гг. служил профессором права в университете г. Франекера, позднее был членом и председателем Суда Фрисландии. Основная работа, затрагивающая проблемы конфликтного права, — «*Decisiones aureae sive Frisiorum curia judicatarum*» (Леуварден, 1635). Это сочинение представляет собой обширный трактат о действующем праве Фрисландии, иллюстрированный многочисленными судебными решениями и цитатами из произведений многих известных европейских юристов. Сочинение Зандэ является одним из самых значительных произведений XVII века.

Иоанн а Зандэ — «любимый автор» Ульрика Губера, наиболее типичного выразителя голландской доктрины МЧП³³. В своей знаменитой диссертации «*De Conflictu Legum*» (1678) Губер чаще других цитирует труды этого автора и выражает согласие с его позицией (возможно, в том числе и по той причине, что Зандэ — его земляк, долгое время преподававший в университете любимого Губером города Франекера). Шотландские студенты, изучавшие право в нидерландских университетах, в XVII в. «привезли» теорию Губера на Британские острова, где она стала основой разрешения конфликтов законов. Между тем Губером воспроизведены и развиты многие мысли, высказанные в трактате Зандэ. Решения конфликтных казусов, предложенные Зандэ, оказали на Губера чрезвычайно сильное влияние и легли в фундамент его теории. Так через Губера воззрения Зандэ восприняты современным англо-американским международным частным правом.

В «*Decisiones aureae sive Frisiorum*» Зандэ неоднократно ссылается на «Комментарии к кутюмам Бретани» французского юриста Бертрана д'Аржантре, предложившего деление статутов на три класса — личные, реальные и смешанные — и отстаивавшего безусловную территориальность всех кутюмов. В доктрине МЧП неоднократно отмечалось, что теория д'Аржантре, не замеченная его соотечественника-

ми во Франции, была с восторгом принята в Нидерландах³⁴. Однако Иоанн а Зандэ не упоминает деления статутов на три класса и, как все его предшественники, выделяет только личные и реальные статуты. Зандэ утверждает императив «все кутюмы реальные», но этот императив утверждали его соотечественники Николас Эверард и Петрус Пекиус, не знакомые с теорией «бретонского комментатора». В связи с этим представляется возможным утверждать, что территориальный подход к разрешению конфликта законов в работе Зандэ сформировался отнюдь не под влиянием д'Аржантре, — жесткий территориализм «бельгийских реалистов» соответствовал требованиям исторической действительности и возник сам по себе, на собственной почве.

В своей книге Зандэ уделяет много внимания вопросам гражданского процесса. Юрисдикция фризийского суда распространяется и на лиц, не проживающих на территории Фризии, если такие лица добровольно по соглашению признают компетенцию этого суда. Таким образом, Зандэ провозглашает возможность договорной подсудности (*forum prorogatum*)³⁵. По вопросам применимого процессуального права ученый безусловно придерживается общепризнанного к тому времени принципа — в судебных разбирательствах соблюдается практика места, где иск подан, даже относительно сделок, которые были заключены в другом месте. Причина состоит в том, что статус исковой давности и исполнения контракта имеет отношение не к его сути, а ко времени и способу рассмотрения иска. Иск сам по себе составляет квази-контракт и отдельную сделку³⁶. Исполнение решений, вынесенных за границей, должно всегда подчиняться закону места, где испрашивается исполнение, а не места, где было вынесено решение. Оценка иска как самостоятельной сделки, а исполнения контракта — как способа рассмотрения иска, соответствовала чаяниям развитой голландской буржуазии того времени, заинтересованной в применении голландского правосудия и голландского права к своим «заморским» сделкам. Зандэ замечает «мимоходом», что контракт, вступивший в силу в соответствии с правом места его заключения, распространяет свое действие и на имущество, расположенное в другой стране³⁷.

Форма юридических актов, с точки зрения Зандэ, безусловно подчиняется праву места заключения акта, т. е. возможно применение иностранного права. Данное правило, интернациональное по своей сути,

³⁴ См., например: Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002.

³⁵ См.: Gutzwiller M. Geschichte des Internationalprivatrechts. Basel; Stuttgart, 1977. S. 129.

³⁶ См.: Lorenzen E. G. Huber's de conflictu legume // Illinois Law Review. 1918—1919. Vol. 13. P. 233.

³⁷ См.: Gutzwiller M. Op. cit. S. 128.

³² См.: Laurent F. Op. cit. P. 437.

³³ См.: Мандельштам А. Н. Указ. соч.

составляет исключение из общего принципа территориальности законов. При этом реалисту Зандэ «совершенно чужда мысль, что иностранный *lex loci actus* может вступить в коллизию с суверенитетом судьи или государства страны суда»³⁸. Однако ученый уже начинает позиционировать формальный статут как самостоятельный, составляющий третью группу статутов. Зандэ присоединяется к утверждению Шарля Дюмулена, что юридический акт, который должен соблюдаться в месте его совершения, распространяет свое действие за границу³⁹.

По вопросам решения конфликтов по поводу движимого имущества Зандэ придерживается «древней» концепции — движимое имущество подчиняется личному закону своих владельцев (*mobilia personam sequuntur* — движимость следует за лицом). При этом он принял и истолковал точку зрения д'Аржантре — движимости закреплены за владельцем, поскольку они составляют часть его личного статуса. Зандэ объясняет свою позицию следующим примером: фризийские супруги остаются раздельными владельцами своей собственности, даже если она расположена в Голландии, поскольку так предписывает обычай Фрисландии. Когда фризийские супруги переезжают из одной провинции в другую, то собственность, которая впоследствии может перейти к одному из них, не будет их общей собственностью, а останется их раздельной собственностью (так предписывает обычай Фрисландии). Имущество, которое было общей собственностью до переезда, сохраняет тот юридический статус, который имело изначально по личному закону супругов⁴⁰. То же самое имеет место и при наследовании: если собственность расположена в различных частях страны, то к личному имуществу — движимым вещам — применяется закон domicilia наследодателя.

В сфере наследования действуют два основных принципа — режим наследственного имущества определяется правом местонахождения этого имущества; способность наследовать определяет право последнего места жительства. Эти два принципа наследственного права в то время были утверждены в Северных Нидерландах и доказывались в работах голландских авторов⁴¹. Данные коллизионные привязки являются общими как для наследования по завещанию, так и при отсутствии завещания.

Фигура Иоанна а Зандэ завершает теорию бельгийского реализма и знаменует собой переход к классической голландской доктрине «международной вежливости». Зандэ отходит от крайностей бельгийского реализма и допускает экстерриториальность — применение иностранного права на своей территории и

действие своего права за границей. Однако строгий реальный характер всех кутюмов вступает в противоречие с личным статутом и распространением его действия за границу. И тогда следует объяснить, почему законодатель отвергает экстерриториальность личного статута и допускает применение иностранного права в пределах своей юрисдикции. Ни Зандэ, ни его предшественники — представители бельгийского реализма — не сформулировали этого объяснения. Оно было разработано их последователями — голландскими учеными второй половины XVII в. Ульрихом Губером, Павлом и Иоанном Вутами.

Заключение. Теория бельгийского реализма формировалась в доктрине конфликтного права в течение всего XVI в. и получила законодательное закрепление в «Вечном эдикте», принятом эрцгерцогами Альбертом и Изабеллой в 1611 г. Самые острые коллизии всегда возникали в сфере наследственного права, а законодательный партикуляризм в нидерландских землях еще более усиливал конфликты между личным статутом наследодателя и статутом местонахождения недвижимости, если наследственные имущества оказывались лежащими в разных провинциях. «Вечный эдикт», представлявший собой результат работы нидерландских юристов, полностью ликвидировал «персонализацию» законов и закрепил их вещный характер: «Коль скоро местожительство завещателя и местоположение его имущества управляются кутюмами, положения коих относительно завещательных распоряжений различны, мы повелеваем впредь в том, что касается свойств упомянутого имущества, возможности им распоряжаться, надлежащего возраста и нотариальной формы, поступать согласно кутюму и обычаям местоположения имущества» (ст. 13)⁴². Эдикт, созданный исключительно под влиянием бельгийского реализма, стал крайним выражением тенденции ставить на первый план закон места нахождения недвижимости⁴³.

Статья 13 Эдикта требовала соответствия кутюму места нахождения имущества и в отношении возраста, т. е. правоспособности, и в отношении состояния имущества, и права его завещать, и формы завещания. Под «нотариальной формой» в Эдикте понимались правила совершения нотариального действия, имеющие целью обеспечить свободное и точное волеизъявление завещателя (присутствие нотариуса, необходимое количество свидетелей, формальные требования к тексту завещания). Эдикт заранее предполагал, что нотариальные действия, предписанные личным статутом завещателя, окажутся отличными от действий, предписанных статутом местонахождения его имущества, и делал выбор в пользу последнего. Такая абсолютная вещность всех кутюмов противо-

³⁸ См.: *Gutzwiller M.* Op. cit. S. 128.

³⁹ См.: *Gamillscheg F.* Op. cit. S. 153.

⁴⁰ См.: *Lorenzen E. G.* Op. cit. P. 208.

⁴¹ См.: *Gutzwiller M.* Op. cit. S. 128.

⁴² Цит. по: *Laurent F.* Op. cit. P. 433.

⁴³ См.: *Брун М. И.* Указ. соч.

речила уже устоявшимся и признанным повсеместно общим принципам права, прежде всего принципу «место управляет актом» (*locus regit actum*), согласно которому форма выражения юридического акта не зависит ни от статута домицилия, ни от статута местонахождения имущества, а подчиняется закону того места, где акт был составлен.

Подход «Вечного эдикта» априорно исключал какую бы то ни было возможность экстерриториального действия законов и применения иностранного права. Это не соответствовало ни требованиям объективной реальности, ни чаяниям самих нидерландских провинций, которые были заинтересованы в том, чтобы субъективные права, законно приобретенные на их территории, признавались и за границей. Утверждая максимум «все кутюмы реальны», представители бельгийского реализма отнюдь не были «юридическими шовинистами», все они признавали экстерриториальный характер личного статута, никак не затрагивающего имущественные вопросы, тем более они выступали за применение закона места совершения акта для формы юридических сделок (включая завещания). Кроме того, городские и провинциальные суды достаточно часто обращались к иностранным законам, поскольку торговля требовала постоянных отношений с заморскими государствами⁴⁴. По настоянию бельгийских юристов в 1634 г. был издан Указ Тайного совета, содержащий «аутентичное толкование» Эдикта, а по сути, ознаменовавший собой его фактическую отмену в том смысле, что к форме завещания требования закона места нахождения вещи не относятся⁴⁵.

Поводом для фактической отмены положений Эдикта применительно к форме завещания стало конкретное судебное дело. Дон Жером дель Поссо составил завещание в Брюсселе в 1619 г. в присутствии нотариуса и двух свидетелей из Милана, откуда он сам был родом и где находилось его имущество. Завещание оспаривалось на основании ст. 13 Эдикта, требующей соблюдения нотариальной формы, принятой в месте нахождения имущества: согласно статуту Милана для действительности завещания необходимо присутствие семи свидетелей. Истец утверждал, что истолкование Эдикта 1611 г., данное Сенатом Милана, неверно, и ходатайствовал о его «аутентичном толковании». В Указе 1634 г. подчеркивалось: «Предписание статьи 13 никоим образом не может быть отнесено к порядку, полагающемуся при составлении завещания и составляющему доказательство его действительности, а также призванному охранить истинную волю завещателя; оно распространяет свою власть единственно на нотариальные действия, уясняющие суть завещательного

распоряжения, без коих самое распоряжение невозможно»⁴⁶. Под порядком, полагающимся при составлении завещания, понимались требования к возрасту завещателя и содержанию завещания. Форма завещания должна соответствовать кутюму места его составления или предписаниям самого Эдикта; воля наследодателя, касающаяся вопросов собственности и распоряжения иностранной недвижимостью, могла быть узаконена в Бельгии в форме, предписанной местным законом⁴⁷.

Указ 1634 г. по сути обобщал доктрину бельгийского реализма, которую можно свести к следующим постулатам.

Статуты делятся на два класса — личные и реальные.

Статуты действуют только на территории издавшего их законодателя; на этой территории они обязательны для всех — как подданных, так и иностранцев.

Личные статуты определяют статус лица, никак не затрагивая имущества.

Личные статуты, касающиеся исключительно неимущественных прав, могут следовать за лицом и за границу.

Движимое имущество прикреплено к лицу и следует его статусу.

Реальный характер имеют все статуты, каким бы то ни было образом касающиеся имущества (имущество — это только недвижимость).

Реальные статуты — безусловный императив на своей территории, они определяют судьбу любого находящегося там имущества, даже принадлежащего иностранцам.

Форма юридических актов подчиняется праву места их совершения.

Никто из представителей теории бельгийского реализма — ни Николас Эверард, ни Питер Пекиус, ни Иоанн а Зандэ — не предпринимали попыток создать общую теорию решения коллизий законов. Будучи одновременно и академическими учеными, и практиками, они рассматривали конфликтные казусы исключительно с практических позиций. Эти ученые рассуждали в русле уже сложившейся к тому времени теории о двух классах статутов, утверждая при этом как общую максимум постулат, что все кутюмы реальны. Применение иностранного права может иметь место только по вопросам статуса лиц, если эти вопросы никак не связаны с вещами. Бельгийские реалисты находились под территориальным складом общих правовых воззрений той эпохи, «склонной зорко следить за безусловным значением местного права»⁴⁸.

⁴⁶ Цит. по: *Laurent F. Op. cit. P. 433.*

⁴⁷ См.: *Laine A. Op. cit. P. 400—401.*

⁴⁸ Нольде Б. Э. Очерк международного частного права // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. 3-е изд. Юрьев, 1912.

⁴⁴ См.: *Arminjon P. Précis de Droit international privé. P. 1925. P. 40.*

⁴⁵ См.: *Lorenzen E. G. Op. cit. P. 206.*

Однако нельзя утверждать, что Эверард, Пекиус и Зандэ не сыграли положительной роли в развитии доктрины МЧП. Они сформулировали коллизионные привязки, воспринятые современным законодательством; их исследования послужили основой для зарождения классической голландской доктрины «международной вежливости», которая по сей

день лежит в основе англо-американской теории коллизионного права. Их имена забыты совсем незаслуженно, в истории науки МЧП не должно быть пробелов, и работы всех представителей теории статутот — единственной в течение 500 лет доктрины коллизионного права — подлежат изучению и переосмыслению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ancel B. Histoire du droit international privé. P., 2008.
- Arminjon P. Précis de Droit international privé. P., 1925.
- D'Argentré B. Commentaire des coutumes de Bretagne. P., ed. 1621.
- Freyria Ch. Les conflits de coutumes en matière de successions dans le droit coutumier urbain des Flandres sous l'ancien régime // *Revue critique de droit international privé*. 1947. No. 249.
- Gamillscheg F. Der Einfluss Dumoulin's auf die Entwicklung des Kollisionsrechts. Tübingen, 1955.
- Gutzwiller M. Geschichte des Internationalprivatrechts. Basel; Stuttgart, 1977.
- Laine A. Introduction au droit international privé. T. I. P., 1888.
- Laurent F. Droit civil international: т. I—II. T. I. Bruxelles; P., 1880.
- Lorenzen E. G. Huber's de conflictu legum // *Illinois Law Review*. 1918—1919. Vol. 13.
- Meili F. Das Internationale Civil- und Handelsrecht auf Grund der Theorie, Gesetzgebung und Praxis: Bd. I—II. Bd. I. Zurich, 1902.
- Story J. Commentaries on the Conflict of Laws, Foreign and Domestic. Boston, 1834.
- Брун М. И. Очерки истории конфликтного права. М., 1915. Доступ из СПС «Гарант».
- Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002.
- Мандельштам А. Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права: в 2 т. Т. 1: Кодификация международного частного права. СПб., 1900. Доступ из СПС «Гарант».
- Нольде Б. Э. Очерк международного частного права // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. 3-е изд. Юрьев, 1912.
- Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов. М., 2007.